

Эммануил Виторган: Шикарнейший был полет!

Моя правдо - 1999 г.

15 апр. - с. 6.

Этому высокому, красивому, обаятельному человеку ни за что не дашь больше сорока пяти. Прекрасная спортивная форма. Огромное чувство юмора. Многочисленные сложнейшие по своей энергетике и психифизике роли в театре и в кино. Работа в сотворчестве с мастерами, чьи имена стали историей, театральной эпохой. В этом году артисту Театра им. Вл. Маяковского Эммануилу Виторгану исполнится шестьдесят. А рядом - Алла Балтер. Чуткая жена и тонкая, великолепная партнерша. По соседству, в «Ленкоме», взрослеет сын, втихаря поступивший в театральное училище против желания умудренных театральным опытом родителей в то время, когда они были на очередных гастролях.

- В детстве я был маленьким и толстеньким. Наш двор был в булыжниках. И поэтому, когда играли в футбол, меня ставили в ворота - «пухленьким мяче падать». Среди увлечений детства - фотография. Папа подарил мне фотоаппарат «Юность», чтобы я поменьше валял дурака на улице. Мы - дети войны, бегали по дворам, играя в Чапаева. А потом меня занесло в драмкружок, и я заблел будущей профессией. Она затмила все остальное. Родился я в Баку. Жил в Ставрополе и на Кавказе, потом в Ленинграде. Мой отец был мукомол. Восстанавливал мукомольное дело. Шли послевоенные годы. Людям был нужен хлеб. Поэтому мы так много ездили по стране. Меня до сих пор многие считают своим земляком.

Одно из ярких студенческих

впечатлений - военные сборы. Военная кафедра в нашем театральном институте начала свое существование с нашего курса и им же благополучно и закончилась. Ленинградский театральный институт всего один раз был на летних армейских сборах. Жили в основном лесу под Выборгом. Для полка и командиров это был тихий ужас. Всего - 105 человек, так как нас соединили с консерваторией. Студенты консерватории привезли с собой все инструменты, какие только возможно. Кроме рояля, конечно. Мы переоделись в военную форму. Через полчаса кто-то натер ноги, начал жаловаться, и ему разрешили надеть сандалеты. А через пять минут все были в сандалиях, со снятыми пилотками, заснутыми под погон. Жарища, лето. Мы доставляли много неприятностей командиру

полка. Но и прок от нас был - после участия в Российском слете самодеятельности наш полк взял все возможные грамоты. Провожая нас, командиры плакали. От счастья, что мы уезжаем, так как «разложили весь полк к чертовой матери».

- Вы бывали и на целине, насколько я знаю!

- В Северном Казахстане нас, студентов театрального института, поставили ремонтировать птичник. Что мы там могли отремонтировать? Время было несытое, а куры имеют тенденцию нестись. Короче, мы съели все колхозные яйца.

- А с какой живностью вам еще приходилось сталкиваться!

- С лошадьми. Помню, была смешная история на съемках в Питере. Я играл генерала Врангеля. Подвезжал в шикарном автомобиле, в форме с эполетами, меня сопровождала конница. После съемки руководитель каскадерской группы говорит: «Генерал, может ты хочешь проскатать немножечко?» Я отвечаю: «Конечно». А сам почти на лошади и не сидел. Короче, я поскакал вокруг большого сквера. Лошадь идет мягко - прелесть. Но сделал галопом круг; она подскакала к остальным лошадям и встала, как вкопанная. Я вылетел из седла, перелетел через голову. Автоматически, ничего не соображая, сделал в воздухе кульбит (а я ведь не спортсмен), приземлился на ноги, в руках у меня почему-то оказалась

уздечка. Я небрежно кинул ее через плечо: «Заберите» и пошел прочь. Все ахнули восторженно. А я, когда уже прошел на автопилоте несколько шагов, вдруг сообразил, что же произошло, и вот тут ноги подкосились. Но какой шикарнейший был полет!

- Эммануил Гедеонович, вы, я знаю, тяготеете к режиссуре! Все время что-то придумываете: праздники, розыгрыши, композиции фотографий. Ваша супруга Алла Балтер рассказывала мне, что вы фантазируете «дом, отношения, мизансцены».

- У меня были прекрасные учителя, я столкнулся с уникальной, неповторимой режиссурой Товстоногова, Гончарова, Попова, Васильева, Морозова, Виктюка... Конечно же, после таких встреч некоторые режиссерские разработки появляются и в твоей собственной голове. Но я и сам по себе склонен к этому процессу и, еще больше, к саморежиссуре. Это для артиста и хорошо, и плохо. Я могу придумать композицию, выстроить актеров на площадке, чтобы это несло мысль, было бы интересно.

- Вы снялись более чем в 70 фильмах. А что вы не любите в кино!

- Фотопробы. Вот, представляете, человек может проработать 50 лет в кино, быть народным артистом и при этом все равно должен пройти фотопробы... То ли потому,

что на фотопробу были выделены деньги, которые нельзя ни на что другое потратить, то ли режиссер в себе не уверен. Но у меня всегда фотопробы вызывали негативные ощущения. Как и кинопробы. Если режиссер артиста не знает, то тогда, будь добр, узнай! Походи в театры на его спектакли, покрути фильмы, если они есть. Но не заставляй человека играть в первый же день роль на полную катушку, и, причем, так, чтобы, едва прочитав сценарий, он сделал бы все, что тебе хочется. Да еще и без предварительного обсуждения.

- Как вы относитесь к творческим встречам!

- Очень их люблю. Наверное, потому, что меня очень любят зрители. Я сам себе задаю вопрос: почему так, ведь я переиграл кучу мерзавцев? Мне нравится это общение, потому что уж здесь я могу сказать то, что думаю.

- А что тревожит сегодня артиста Эммануила Виторгана!

- Знаете, у меня есть мысль, и даже не по поводу нашего куска хлеба... Пришел к ней давно. Я знаю абсолютно точно - мы можем понять или не понять, простить или не простить тот или иной поступок, ту или иную подлянку в отношениях между людьми. Можно понять причины поступка. А можно плюнуть и не понимать их. Но я знаю: единственное, чего нельзя ни понять, ни объяснить, это когда один человек

которому хорошо, и пытаться спалить его хату из-за этого, то мы вообще никогда хорошо жить не будем. Ни духовно, ни материально. Природа наказывает за такие дела.

Говорю с полным основанием потому, что прожил колоссальное количество человеческих жизней в театре и кино. Сыграл роли огромного количества мерзавцев, людей, совершавших очень плохие поступки. Я знаю, что такое зло. И поэтому я никогда не позволю себе поднять руку на другого человека. Поверьте, это очень наказуемо, это - самое страшное. Только тот, кто нас создал, имеет права нас увести с Земли. Кроме него, никто не имеет право распоряжаться жизнью другого человека ни в какой форме.

- Как простить, если человек, нанесший тебе обиду, не покаялся, не осознал той боли, которую причинил!

- В бытовом смысле? Можно перестать с таким человеком общаться. Ну если он не понимает - что же тут поделаешь? Ну пусть так живет, от этого хуже только ему самому. Он постепенно попадет в изоляцию. Тебе причинили боль, это плохо. Но тому человеку, который ее причинил, все равно будет хуже. Это закон. Ребята, которые убивают - киллеры, - если не сами они будут наказаны, их родные будут наказаны. Я не верующий человек, я вырос в семье атеистов.

Я прожил долгую жизнь. В этом году мне исполняется шестьдесят. Много? Но годы пролетают так незаметно. Нам-то ведь кажется, что мы будем жить вечно. Не бывает так. Я убежден, что прожил эту жизнь и не скурвился только потому, что никому никогда не желал зла. Это воспитывалось в семье. К этому надо приучать с детства.

- Сколько лет вашему сыну!

- Двадцать шесть. Мы вместе с ним выпускаем спектакль. Это очень человеческая пьеса на тему семьи, любви. Не сюсюканья, но именно любви, с очень резкими поворотами. Об отношениях между отцом и сыном. Я репетирую со своим сыном как режиссер. Я думаю, что бы ни происходило, но родные люди должны обязательно друг друга любить, понимать и беречь. Потому что когда это не происходит, это противостоит.

- Контакт с сыном от этой работы увеличивается! Вы же наверняка все время спорите!

- Да. Все время. Спорить мы все - мастера! (Смеется). Вот предложить что-то конструктивное - это сложнее. Но мы к творческому спорам в семье привыкли. Ведь и с Аллочкой мы массу пьес переиграли вдвоем. А это были центральные роли, глобальные. Так что в апреле приходите на премьеру.

Елена КУРБАНОВА.